

Даниэль
ПЕННАК

**ЛЮДОЕДСКОЕ
СЧАСТЬЕ**

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
П25

Daniel Pennac
AU BONHEUR DES OGRES

Перевел с французского
Константин Долинин
Дизайнер обложки
Александр Андрейчук
Художник
Валерия Камелькова

Пеннак Д.

П25 Людоедское счастье : [роман] / Даниэль Пеннак; [пер. с франц. К. Долинина] — СПб. : Аркадия, 2018. — 336 с. — (Серия «Французский детектив»).

ISBN 978-5-906986-34-4

Это первый роман саги о старшем брате из огромного семейства и профессиональном «козле отпущения» Бенжамене Малоссене. Каждый его рабочий день похож на другой, но в канун Рождества привычная рутина рушится: в гигантском супермаркете, где он трудится, начинают взрываться бомбы. И каждый раз поблизости оказывается Бенжамен...

УДК 821.133.1
ББК 84(4)

© Éditions Gallimard, Paris, 1985
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-34-4

Чтобы заманить младенца Диониса в свой круг, Титаны трясут блестящими погремушками. Привлеченный шумом и блеском, ребенок идет к ним, и чудовищный хоровод смыкается вокруг него. Все вместе Титаны убивают Диониса; затем они варят его и пожирают.

Рене Жирар. Козел отпущения

...верующие надеются, что достаточно святому оказаться среди них, чтобы он принял на себя предназначенный им удар.

Рене Жирар. Козел отпущения

Злые люди, вероятно, поняли что-то такое, чего добрые никак не могут понять.

Вуди Аллен

Женский голос падает из репродуктора, невесомый и волнующий, как фата новобрачной.

— Господин Малоссен, вас просят зайти в бюро претензий.

Голос как будто соткан из тумана, он звучит так, как если бы заговорили фотографии его владелицы. Но за этой вкрадчивостью мисс Гамильтон проскальзывает хитренькая улыбочка, отнюдь не ласковая. Ладно, пойду. Может, к следующей неделе и доберусь. Сегодня двадцать четвертое декабря, сочельник; время — четверть пятого. Магазин набит до отказа. Все проходы запружены плотной толпой покупателей, изнемогающих под тяжестью рождественских подарков. Похоже на ледник, ползущий незаметно для глаза, с каким-то угрюмым остервенением. Вымученные улыбки, лица, блестящие от пота, приглушенные ругательства, злые глаза, вопли детей, которых хватают за руки ватные Деда Морозы.

— Не бойся, маленький, это же Дед Мороз!

Фотовспышки.

А мне видится другой Дед Мороз, гигантский и прозрачный, возносящий над этой застывшей людской сумятицей свой жуткий каннибальский

силуэт. У него вишнево-красный рот, у него белая борода, он добродушно улыбается. А из углов рта торчат детские ножки. Это последний рисунок Малыша — вчера, в школе. Можете себе представить морду учительницы: «По-вашему, нормально, что ребенок в этом возрасте рисует такого Деда Мороза?» «А сам Дед Мороз, — ответил я, — это, по-вашему, нормальное явление?» Я взял Малыша на руки — он чуть не кипел от жара, даже очки запотели, и от этого косил еще сильнее.

— Господин Малоссен, вас просят зайти в бюро претензий.

Да слышит, слышит господин Малоссен, заткнись! Он уже добрался до центрального эскалатора, уже было занес ногу и — застыл на месте под черным дулом, наставленным прямо на него. В меня ведь целит, собака, точно в меня! Башня четким движением повернулась на оси в мою сторону, затем пушка подняла хобот и уставилась мне прямо в переносицу. Башня и пушка танка АМХ-30, управляемого старым хреном полутораметрового росточка, который радостно повизгивает, нажимая на кнопки дистанционного устройства. Это один из множества старикашек, питомцев Тео, — выживший из ума гном в сером халате. Тео всех их одеваает в серые халаты, чтобы не терять из виду в толпе.

— Дедушка, положите игрушку на место, я кому говорю!

Продавщица секции игрушек еле ворочает языком от усталости. Ее хорошенькое личико похоже на морду белки, которая держит пару орешков в защечных мешках. Старик мотает головой, как упрямый мальчишка, не отрывая пальца от кнопки пуска. Щелкнув каблуками, я встаю по стойке «смирно» и говорю:

— Господин полковник, АМХ-30 — устаревшая техника, подлежит списанию на слом или отправке в слаборазвитые страны.

Старик огорченно смотрит на свою игрушку и — делать нечего! — показывает мне рукой: проходи, мол. Продавщица дарит мне улыбку: отныне в ее глазах я видный специалист по старческой психологии. Как из-под земли возникает Қазнав, этажный охранник; он с раздраженным видом ставит танк на прилавок.

— Это как закон: где Малоссен, там бардак.

— Заткнись, Қазнав!

Обстановочка...

Лишившись боевой техники, старик не знает, куда себя деть. Я же наконец ступаю на эскалатор и возношусь, испытывая при этом некоторое облегчение, как если бы там, наверху, и в самом деле было легче дышать.

Там, наверху, мне на глаза попадается Тео. В нежно-розовом облегающем костюме он, как обычно, стоит в очереди к кабине фотоавтомата. Он улыбается мне.

— Слушай, Тео, там один твой подопечный валяет дурака в отделе игрушек.

— Ну и ладно. По крайней мере, в это время он не расстегивает ширинку перед школьницами.

Улыбка за улыбку. Затем Тео кивает мне на стеклянную коробку бюро претензий:

— Там вроде о тебе толкуют.

Действительно, с первого взгляда ясно, что Леман занят делом. Он объясняет сидящей перед ним покупательнице, что во всем виноват я. Из глаз дамы то и дело вырываются струйки слез. В углу стоит разболтанная коляска, а в коляске — ребенок, такой толстый, что даже непонятно, как его туда втиснули. Я открываю дверь и слышу, как Леман говорит даме тоном полного и искреннего сочувствия:

— Я совершенно согласен с вами, мадам, это абсолютно недопустимо. — И, увидев меня, продолжает: — А вот и он. Сейчас мы спросим у него, что он об этом думает.

Тон меняется: из сочувственного он превращается в обличительный. Дело, в общем, простое, и Леман излагает его мне со спокойствием гипнотизера, а тучный ребенок смотрит в это время на меня

взглядом веселым, как этот мир. Так вот, три дня назад подведомственный мне отдел продал присутствующей здесь даме холодильник такой емкости, что она сумела засунуть в него рождественский ужин на двадцать персон, включая закуски и десерт. И вот прошлой ночью по причине, которую он, Леман, очень хотел бы, чтобы я ему объяснил, этот самый холодильник превратился в мощную электропечь. Это чудо, что мадам не сгорела живо, открыв сегодня утром дверцу. Я украдкой смотрю на покупательницу: брови у нее действительно слегка подпалены. В голосе ее не только злость, но и боль, и от этого мне легче принять жалобный вид. Ребенок смотрит на меня так, как будто я источник мирового зла. Я же перевозжу удрученный взгляд на Лемана, который, скрестив руки, опирается ими на ребро письменного стола.

— Я жду, — говорит Леман.

Молчание.

— Вы отвечаете за технический контроль?

Я утвердительно киваю головой и бормочу, что не понимаю, как это могло случиться, — холодильник был тщательно проверен... Как газовая плита на той неделе или пылесос, который мы продали юридической конторе Бозри.

Во взгляде ребенка явственно читается, что избиение тюленьих детенышей тоже мой грех. Леман

снова обращается к покупательнице; он говорит с ней так, как если бы меня здесь не было. Он благодарит ее за то, что она без колебаний подала жалобу на противоправные действия персонала. (Через стеклянную стенку я вижу, что Тео все еще торчит в очереди к фотоавтомату. Надо будет не забыть попросить у него отпечаток для альбома Малыша.) Леман провозглашает, что долг покупателей — по-сильно участвовать в оздоровлении торговли. Само собой разумеется, что, согласно гарантийному обязательству, Магазин немедленно поставит пострадавшей другой холодильник.

— Что касается прочего материального и морального ущерба, который авария нанесла вам лично и членам вашей семьи (отставной унтер Леман любит выражаться в таком стиле, и в голосе его слышится при этом отзвук старого доброго Эльзаса, куда энное число лет назад его принес аист — тот самый, который заправляется рислингом), господин Малоссен не преминет возместить вам его. Разумеется, не за счет Магазина. — И добавляет: — С праздничком, Малоссен!

Теперь, когда Леман излагает покупательнице основные этапы моей карьеры в Магазине и заверяет, что благодаря ей эта карьера бесславно закончится, я читаю в ее усталом взгляде уже не возмущение, а смущение, а затем и сочувствие.

И снова слезы появляются у нее на глазах и дрожат на кончиках ресниц.

Все, пора включать мой собственный слезопровод. Я отвожу глаза и через прозрачную перегородку погружаю взгляд в вязкую пучину универмага. Какое-то неумолимое сердце ритмично проталкивает все новые и новые кровяные тельца через забитые артерии. Кажется, что все человечество ползет, распластанное под тяжестью огромного подарочного пакета. Прозрачные воздушные шарики непрерывно стартуют из отдела игрушек и собираются наверху, под матовым стеклом крыши. Дневной свет сочится сквозь эти разноцветные грозди. Ничего не скажешь, красиво. Покупательница безуспешно пытается перебить Лемана, который с безжалостной четкостью предсказывает мое будущее. Ничего хорошего мне не светит. Две-три грошовые должности, новые увольнения, хроническая безработица, больница для алкоголиков и братская могила в перспективе. Когда покупательница переводит взгляд на меня, я уже весь в слезах. А Леман, не повышая голоса, методично добывает жертву.

То, что я вижу теперь в глазах дамы, меня не удивляет: я вижу там ее саму. Стоило мне только заплакать, как она немедленно поставила себя на мое место. Механизм сочувствия. Ей удастся наконец прервать Лемана, вклинившись в секундную паузу.

Полный назад. Она берет обратно свою жалобу. Пусть, согласно гарантии, заменят холодильник — больше ей ничего не надо. И незачем заставлять меня платить за праздничный ужин (в какой-то момент Леман, очевидно, упомянул о моей зарплате). Ей бы не хотелось, чтобы я потерял из-за нее работу накануне праздника (Леман повторил слово «Рождество» по меньшей мере раз двадцать). В конце концов, кто угодно может ошибиться; вот и она сама недавно на своей работе...

Пять минут спустя она выходит из бюро претензий с чеком на новый холодильник. Ребенок в коляске на секунду застревает в дверях. Она толкает коляску, нервно всхлипывая.

Мы остаемся одни. Леман скалит зубы и подмигивает мне. Я смотрю на него и вдруг — от усталости, что ли? — говорю:

— Ну и гады же мы, а?

Он открывает во всю ширь свою пасть матерщинника, чтобы ответить мне по-свойски. Но что-то заставляет его закрыть рот.

Это доносится снизу, из чрева Магазина.

Это приглушенный взрыв, и сразу затем — многоголосый вой.

2

Мы прижимаем носы к стеклянной перегородке. Сначала не видно ничего. Поднятые взрывом две или три тысячи воздушных шаров полностью скрывают Магазин. Но по мере того, как они медленно взмывают к свету, открывается картина, которую я предпочел бы не видеть никогда.

— Мать твою... — бормочет Леман.

Люди совершенно обезумели. Все мечутся в поисках выхода. Сильные топчут слабых. Некоторые бегут прямо по прилавкам, вздымая груды носков и трусиков. То там, то здесь продавец или дежурный по этажу пытается остановить панику. Здоровенный мужик в сиреновом пиджаке падает навзничь на витрину с косметикой. Я открываю стеклянную дверь бюро претензий — впечатление такое, как если бы я распахнул окно навстречу урагану. Весь Магазин дико орет. Репродуктор рядом со мной пытается призвать покупателей к порядку. Не было бы риска и в самом деле умереть, можно было бы подохнуть со смеху, слушая голосок мисс Гамильтон — пульверизатор посреди тайфуна. Внизу война. А наверху воздушные шары снова обрели свою прозрачность. Вся эта сцена ужаса залита

неописуемо нежным розовым светом. Леман подошел вплотную ко мне и кричит над самым ухом:

— Где это? Что там рвануло?

В его голосе старого вояки просыпается колониальная отвага. Я не знаю, где и что там рвануло. Груда тел, из которой торчат руки и ноги, заправила эскалатор. Снизу люди кидаются очертя голову на ступеньки, спускающиеся им навстречу, а сверху на них обрушивается противоположная волна. В итоге все скатываются вниз и валятся на толпу у подножия лестницы. Крики, ругань.

— А, мать твою! — вопит Леман. — Мать твою, мать...

Он кидается к эскалатору, расшвыривая людей, и в броске дотягивается до рычага «стоп». Машина останавливается.

Перед дверью кабинки фотоавтомата Тео разглядывает свою рожу в четырех экземплярах. Он вроде бы доволен и протягивает мне одну из фотографий:

— Держи, это для альбома Малыша.

И затем все успокаивается. Успокаивается, потому что, несмотря на шум и беготню, больше не происходит ничего. Что-то где-то взорвалось, но за этим ничего не последовало. И уже можно разобрать, что там вещает нежноголосая мисс Гамильтон. А она действительно рекомендует